

**"РУССКИЕ РАЗГОВОРЫ":
ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО**

Сочиняя этот небольшой отзыв на вышедшую недавно на русском книгу Н. Рис, я в полном соответствии с описываемыми в ней ситуациями время от времени отправлялся попить чайку на кухню, где вел, как мне и полагается, "русские разговоры" с женой. Делали мы это в компании важного кухонного собеседника – телевизора. Этот обычный участник "русских разговоров" (правда, несправедливо забытый в этом качестве в книге Рис) неожиданно порадовал нас сюжетом, который очень способствовал тому, чтобы оживить в памяти порядком подзабытое. То ли в Липецкой, то ли еще в какой-то области во всех магазинах пропала соль. Корреспондент все валит на заговор (!) неизвестных мелких предпринимателей, которые в поисках выгоды якобы распустили слух о том, что Украина, обидевшись на Россию за "газовый шантаж", перестанет поставлять в соседние с ней российские области соль.

В видеосюжете пожилые женщины (*amer. babushkas*), давась в очереди и отталкивая друг друга локтями, как по писаному (т.е. как будто по книжке, о которой идет речь), выстреливали ламентациями и литаниями, перемежая их до боли знакомым "вас тут не стояло". Совсем юный корреспондент, который, понятное дело, не только книжку Рис не читал, но и не мог помнить те времена, которые там описываются, был совершенно растерян, оказавшись в незнакомом ему до той поры дискурсе и столкнувшись с неизвестными речевыми жанрами и формулами (см. их описание в той же книге). Между тем такое чтение многое этому корреспонденту объяснило бы о его стране – о ее прошлом, настоящем и, увы, будущем.

Вообще о России и русской культуре пишут много глупостей. Так, несколько лет назад мне попала западная книга (издана в солидном университетском издательстве), в которой автор (фамилию не называю) совершенно серьезно утверждает, что русские взяли за правило хлестать друг друга в бане вениками исключительно по причине укоренившейся в них любви к страданию. Книга Рис (хотя в ней речь идет и в том числе о страданиях) к такого рода "исследованиям", конечно же, не относится. Достаточно четверть часа порыться в Интернете, чтобы убедиться, что на отделениях славистики и культурной антропологии американских и западноевропейских университетов она сегодня входит в списки обязательной литературы к курсам, связанным с Россией. И входит абсолютно заслуженно.

Прежде всего это одно из немногих антропологических исследований, посвященных России. Кажется, нет недостатка в интересных работах по истории, социологии. С культурной антропологией дело обстоит хуже. Западные антропологи с началом перестройки устремились в прежде запретные зоны – Сибирь, на Чукотку, Камчатку и др., успешно поработали "в поле", выпустили хорошие, иногда очень хорошие книги. Но до Европейской части России, до русской деревни и особенно почему-то до городов (наверное, самый доступный и потому не очень привлекательный материал?) руки не доходили.

Достоинства книги Рис, разумеется, не ограничиваются только тем, что она пишет о городской России. Важно то, что в центре внимания оказываются речь, "русские разговоры". Не то чтобы до Рис антропологи не обращали внимания на речевые практики. Есть хорошие, даже блестящие работы – прежде всего американских авторов – по этнографии речи. Но их все-таки не много и сделаны они преимущественно на материале, который принято называть экзотическим: сегодня легче найти что почитать

о речевых жанрах и коммуникативном взаимодействии у илонготов, самоанцев или индейцев куна, чем о вербальной составляющей культуры немцев или французов.

Следует особо подчеркнуть, что книга Рис написана с позиций лингвистической антропологии: язык понимается как набор культурных практик; автор пытается анализировать его через призму культуры, поэтому значение выводится из употребления, в речи он пытается обнаружить скрытые культурные смыслы; ср. исходное теоретическое положение, формулируемое автором во введении: "Говорение (выделено автором книги. – Е.Г.) во всех видах и формах – есть ключевая составляющая производства социальных парадигм и практики и воспроизводства..." (с. 23 книги Н. Рис). Хороших работ в этом роде не так уж много существует и на английском. В России же лингвистическая антропология (не путать с социолингвистикой – абсолютно отдельная сфера со своими принципами!) как самостоятельная область почти не существует. "Почти" – потому что все-таки встречаются работы, авторы которых применяют такой подход, но при этом заняты исключительно диахронией. В большинстве же российских исследований антропологический подход отсутствует даже тогда, когда он, казалось бы, предопределен самой постановкой исследовательской проблемы – нет, авторы просто "декодируют" язык, воспринимая его как отражение "окружающей действительности". У Рис же "разговоры" – полноправные действия, т. е. язык трактуется как деятельность, исповедуется подход к культуре как к коммуникации. В этом отношении книга Рис, изданная на русском, – если не эталон, то демонстрация того, чем и как должна заниматься лингвистическая антропология.

Книгу Рис можно использовать и как пример в еще одной области, которая сегодня в России, судя по растущему числу публикаций, становится популярной, однако достижения в которой имеют по большей части теоретический характер. Я имею в виду дискурс-анализ. Известно, что за этим названием могут скрываться совершенно непохожие вещи. Не будет преувеличением сказать, что существует столько вариантов дискурс-анализа, сколько авторов заявляют о его использовании. Убедительных примеров его практического применения не много (если даже они оказываются убедительными, то, как правило, предсказуемыми и потому неинтересными). Однако если дискурс-анализ все-таки существует как самостоятельная дисциплина, то он, в моем представлении, должен быть похож на то, что делает Рис в своей книге. При этом тот факт, что в центре оказываются "разговоры", представляется абсолютно естественным и даже необходимым: вербальный компонент – центральный в любом дискурсе¹. Таким образом, главное достоинство русского издания книги Рис – знакомство российского читателя с методами и подходами, существующими сегодня в западной культурной антропологии.

В отзыве полагается отмечать недостатки. И здесь никуда не деться от избитой фразы: они оказываются продолжением достоинств. Книга написана очень хорошим языком, прекрасно структурирована, ее легко читать. Известный лингвист Майкл Клайн в одной ставшей знаменитой работе (Clyne 1987) отмечает, что есть два типа научных исследований. Одни восходят к немецкой традиции, которая предполагает, что у читателя есть стимул получить новое знание, поэтому он должен сам проделать весь путь к пониманию текста, преодолевая засушенность положений и сухонность языка. Тексты авторов, принадлежащие ко второй традиции (назовем ее условно американской), по сравнению с "немецкими", отличаются кажущейся легковесностью. Такое впечатление возникает из-за того, что автор проявляет заботу о читателе, не перегружает его "лишними" фактами, таблицами и схемами, пишет простым, "легким" языком. Русская академическая традиция, разумеется, восходит к немецкой, поэтому нам скорее привычна почти бюрократическая сухость, нежели красивость – последняя у русского читателя ассоциируется с "науч-попом".

В случае с обсуждаемой книгой "американская" традиция создания научных текстов подкрепляется другим, не менее важным принципом: быть хорошо (почти худо-

жественно) написанным – обязательное условие для любого текста, созданного в традиции интерпретативной антропологии. Если "вычесть" из этих работ язык, то из них как бы выходит воздух, они скукоживаются, теряют "товарный вид". Исследователь, занимающийся интерпретативной антропологией (и, само собой разумеется, ориентирующийся на "американские" принципы построения академического текста) должен писать очень хорошим языком – или не писать вовсе. Рис, надо отдать ей должное, писать умеет прекрасно. Возникает даже ощущение, что автор как-то уж слишком художественно это делает, как бы тем самым споря (даже не споря – просто их отменяя!) со всякими строгими, но не модными нынче формальными подходами.

То ли по причине уж слишком принципиальной художественности, то ли еще почему, но появляется странное чувство: все факты, собранные автором в поле, по отдельности вызывают абсолютное доверие, в нужных местах работы содержатся ссылки на блестящие публикации, приводимые цитаты всегда к месту, однако от всей работы целиком остается такое же ощущение, как от интересного художественного фильма: смотришь с интересом, вместе с тем понимаешь, что это именно художественное осмысление действительности. Вспоминаются титры, которые обычно пускают после фильма: просьба не искать в героях фильма реальных персонажей, такого города не существует, все события вымышлены, но такие или похожие события могли произойти в любом городе и т.д. То, что нормально для художественного фильма, хорошо ли для научного исследования? Оставляю этот вопрос без ответа, однако порадоюсь тому, что появление такой работы на русском, по крайней мере, даст возможность широкому кругу читателей увидеть, что так о серьезных вещах пишут тоже.

Поскольку, как уже было сказано, работа имеет ярко выраженный интерпретативный, почти художественный (или, если угодно, почти журналистский) характер, то мне как-то неловко писать о всяких скучных "технических" вещах, в частности, методологических. Их набралось бы не так уж мало, и это были бы достаточно серьезные замечания, но я позволю себе реплику только по одному поводу². Иностранец исследователь в России всегда (по крайней мере, до самого последнего времени) рисковал нарваться на своеобразный *foreigner talk*. Под это понятие, в исходном виде чисто лингвистическое, я в данном случае подвожу не только фонетическую, лексическую и грамматическую адаптацию к иностранному собеседнику, но и тематическую, и пр. "Представление себя другим в повседневной жизни" прежде всего зависит от того, кем оказывается этот "другой". Даже для московской интеллигенции (с которой по большей части и общалась автор) "разговоры" с иностранцами (или в присутствии иностранцев) не были в то время чем-то заурядным. Рис вроде бы сознает, что ее – "иностранки, американки, этнографа – присутствие влияло на собеседников" (с. 159), и, казалось бы, должна делать на это поправку. Однако мой собственный опыт участия в "русских разговорах" и присутствия при них (поскольку работа написана в интерпретативном духе, я считаю себя вправе обратиться к личному опыту) подсказывает мне, что из-за возмущающего фактора "иностранности" исследователя некоторые акценты оказались смещенными, а пропорции – нарушенными.

Возможно, похожее мнение выскажут и некоторые другие участники обсуждения – по той простой причине, что, оказавшись в положении "подопытных", вроде бы должны согласиться с тем, что "со стороны виднее", но при этом они сознают, что этому самому "человеку со стороны" в одном отношении с ними точно не сравняться: вряд ли, даже за довольно продолжительное время, можно в достаточном объеме "выучить" прагматику, стоящую за коммуникативным взаимодействием, все эти разнообразные *contextualization cues*, к тому же еще и различные в разных социальных группах (Gumperz 1982; 1993). Точно так же, как невозможно за относительно короткое время полевой работы уяснить меняющееся в зависимости от ситуации соотношение и тонкости взаимодействия речевых жанров. Отсюда, как кажется, некоторый переко-

упор в исследовании делается на литании и ламентации – "дискурсивное искусство страдания" (с. 158) – как на русскую культурную специфику.

Сознаю, что это мое замечание может быть воспринято как не вполне корректное. как попытка использовать преимущество (недостаток?), данное "бесплатно", "по праву рождения". Но, кажется, обсуждение книги на страницах российского этнографического журнала предполагает и голос объекта изучения.

Видимо, на книгу Рис будут разные реакции: от полного неприятия до восторга. Что касается неприятия, то я с такой реакцией не сталкивался (надеюсь, ее и не будет), зато был свидетелем противоположного отношения. Еще до выхода книжки на русском, в самом конце 1990-х годов, один аспирант брал у меня читать английское издание раз пять, а то и шесть, объясняя, что просто влюблен в эту книгу и что его мечта теперь написать такую же. Я очень надеюсь, что аспирант этот, весьма талантливый, напишет книгу, но не такую, а другую, свою, не хуже, а лучше, и книга Рис ему в этом поможет.

Примечания

¹ Ср. типичное положение из одной из недавно переведенных на русский язык книг по дискурс-анализу: "Основу дискурсивных аналитических подходов составляет положение из философии лингвистики (структуралистской и постструктуралистской), что мы всегда воспринимаем реальность посредством языка. С помощью языка мы создаем представление о реальности, которое не просто отражает то, что в ней есть, но и конструирует ее" (Йоргенсен, Филлипс 2004: 25).

² В первом варианте отзыва содержался также довольно обширный критический пассаж о фотографиях, включенных в книгу, которые – в самой мягкой формулировке – свидетельствуют о том, что лингвистическая антропология разминулась с визуальной. Однако я снял этот абзац в моей рецензии, когда узнал, что фотографии были помещены в русское издание без ведома автора.

Литература

- Йоргенсен, Филлипс 2004 – Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004 (оригинальное издание: *Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. L., etc.: SAGE Publications, 2002*).
- Clyne 1987 – Clyne M. Cultural differences in the organization of academic texts: English and German // *Journal of Pragmatics*. 1987. № 11. P. 211–247.
- Gumperz 1982 – Gumperz J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Gumperz 1993 – Culture and conversational inference // *The Role of Theory in Language Description* / Ed. J. Gumperz. B.: Mouton de Gruyter, 1993. P. 193–214.